

*"Вопросы Истории", 2001 - № 2 стр.
Публикация М.С. Исхакова*

Мустафа Чокаев

Революция в Туркестане. Февральская эпоха

В России начала 1917 года не было (это можно сказать без всякого преувеличения) такого уголка, где ждали и жаждали революции [так], как наш Туркестан. Не потому у нас ждали и жаждали революцию, что мы были подготовленные или революционнее других народов России, а потому, что нигде в пределах подвластной России территории политика русского правительства не была такой гнусной, такой откровенно колонизаторской и национально-угнетательской, как именно в Туркестане. Чтобы не утомлять вашего внимания излишними подробностями, я приведу несколько штрихов этой политики.

Во-первых, переселенческая политика. Не сомневаюсь, что все здесь присутствующие согласны в том, что нет худшей формы национального угнетения, чем отобрание вашей земли, земли вашего народа. Если впереди европейских колонизаторов шли миссионеры и коммерсанты- первые искавшие “просвещения душ”, а вторые- рынков для сбыта продуктов отечественной промышленности, то впереди российских “культуртрегеров” шли русские крестьяне, превращенные русской историей и русским правительством в “охотников до чужой земли”. Вы, вероятно, помните все, как Россия постепенно заселяла Маньчжурию и так называемый Урянхай. По свидетельству русского писателя, приобретшего особенную известность в эмиграции, Минцлова¹, человека, по своей службе отлично знавшего всю подноготную русского Министерства земледелия, не случись последняя великая война, Урянхай был бы присоединен формально к России. Не объявляя о занятии Урянхая, русское правительство, тем не менее, посылало туда своих переселенцев, для “охраны интересов которых от китайских (монгольских) разбойников” предполагалось держать там отряды русских войск²...

А в Персии? В так называемой “зоне русского влияния” уже находилось около двух тысяч русских переселенцев. Значительный отряд войск охранял их от “персидских разбойников”. Не будь разгромлена Россия революцией, районы русского переселения в Персии были бы присоединены к России. Позвольте здесь мимоходом вспомнить вслух один поразительный, до сих пор никому не известный эпизод из эпохи начала Февральской Революции. Это было после памятной декларации Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов о том, что Россия в этой войне не ищет обогащения за счет чужой территории. Надежда на успешное продолжение войны была потеряна. На западном фронте России ничего не оставалось ждать. И вот за подписью товарища министра иностранных дел Временного правительства г-на Нератова³ на имя Туркестанского комитета⁴ Временного правительства поступает весьма конфиденциальная бумага. Я был в то время членом особого совещания при правительственном комитете⁵ и по этому своему званию имел возможность

познакомиться с содержанием этой бумаги. Там говорилось, что ввиду вероятности неполучения Россией каких-либо территориальных приращений на западной границе Россия должна компенсировать себя на Востоке, за счет Персии. Поэтому-де надо всячески препятствовать выводу русских войск из этой страны, чего требовала декларация Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов.

Или вот с Арменией. Вы все знаете, что Россия всегда выступала застрельщицей по армянскому вопросу. По ее инициативе, почти накануне великой войны, в 1913 г., великие европейские державы вынудили Турцию подписать обязательство о проведении некоторых реформ в так называемых “армянских вилайетах”, где, по утверждению русского правительства и с ним вместе всех европейских правительств, армянское население составляло большинство. И вот русская армия занимает эти самые “армянские вилайеты”. Вся политическая установка вдруг меняется. Между русскими министром иностранных дел, министром земледелия и наместником на Кавказе вел. кн. Николаем Николаевичем рождается оживленная переписка, в которой говорится, что “отныне никакого армянского вопроса нет и быть не должно”, что армяне “в так называемых армянских вилайетах никогда не составляли большинства” (это подлинное выражение официальных документов), что никаких особых прав и преимуществ армяне в этих вилайетах иметь не могут и что, наконец, районы так называемой Турецкой Армении весьма подходящи для русского переселения...

Так жадно смотрела Россия на чужие – китайскую, персидскую и турецкую – территории. Каково же ее отношение к территории подвластных ей народов? Вы все здесь собравшиеся принадлежите к этой категории бывших подвластных Российской империи народов и отлично знаете на собственном опыте переселенческую политику. Но у нас в Туркестане, ввиду обширности нашей страны, ее географического положения, делающего его соседом одновременно и Персии, и Афганистана, и Индии, и Китая, переселенческая политика России имела исключительные особенности. У нас отбирали земли по всякому поводу. Отбирали при этом лучшие, уже орошенные земли. Выселяли из зимовок. Выгоняли из пастбищных лесов. Отбирали в так называемое “единственное владение казны” и записывали в “казенные дачи” наши саксауловые рощи. Отбирали под совершенно неизвестные даже русскому закону о переселении “промышленные поселки” удобные участки по линии Ташкентской железной дороги. ... Граф Пален б , сенатор, ревизовавший Туркестан в 1910 г., в своем не увидевшем света отчете ⁷ пишет о неслыханных безобразиях из практики переселенческой политики правительства. Для поселения двух с половиной тысяч русских переселенцев в Пишпекском (ныне Фрунзенском) районе был снесено, по свидетельству отчета графа Палена, свыше 30 тыс. оседлых туземных хозяйств... А в названных мной только что “казенных лесных дачах” границы дач доводили до 30 саженей до зимовки казак-киргиза 8 , который из-за этого при въезде, пастьбе скота и выезде из своей зимовки должен был платить штраф за потраву. И хозяева бросали свои жилища, а иногда это – дома из жженого кирпича, уходили, куда глаза глядят. И переселенческие чиновники спокойно заносили в свои регистры “дома, добровольно оставленные хозяевами”. У нас отбирали оросительные каналы (так называемые арыки), придумывая при этом такой трюк, как “берега арыка, по наружному признаку, естественного признака”. Очевидно, для того, чтобы уберечь свои арыки от захватнических инстинктов русских переселенческих чинов, туркестанцы должны были обкладывать берега арыков гранитами или по крайней мере камнями. Гг., мало кто из вас, вероятно, имеет представление о том, что такое арык в Туркестане. Это – канавы, зачастую прорезывающие пески на много верст. Общую длину оросительных, действовавших к 1911г., канав, кн. Масальский ⁹ , автор капитальнейшего труда о Туркестане¹⁰, сам человек, занимавший высокое положение в переселенческом ведомстве и не страдающий особенной симпатией к нашим национальным правам по земельному вопросу, исчисляет в 40 000 верст. А какой длины недействующие арыки, арыки, временно, из-за капризов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, из-за свойства почвы, оставленные на отдых, – это трудно сказать. Но я знаю, что в

нашем уезде (ныне Кзыл-Ордынский, а раньше Перовский) длина недействующих арыков немногим только уступала длине арыков действующих...

И вот резюме переселенческой политики: с проведением Ташкентской железной дороги (эксплуатация началась в 1904г.) количество кочевников у нас значительно увеличилось по сравнению с прежним временем.

Во-вторых, политика просветительная. О просвещении в Туркестане при русском режиме надо говорить лишь в “кавычках”. У нас существовали старые профессиональные школы – медресе. В смысле требований современности эти школы не давали ничего. Попытка наша открыть новые школы встречала отчаянное сопротивление со стороны властей. Мы не имели права преподавать на нашем языке. Географические карты с обозначениями арабскими буквами приравнивались к революционным прокламациям, а учителя, пытавшиеся обучать детей не по старой системе а ля “аз, буки, веди, глаголь”, а по новому звуковому методу “а, б, в, г...”, считались агентами пантюркизма, панисламизма. Для нас существовали так называемые “русско-туземные школы”, назначение которых состояло в подготовке переводчиков при приставах, уездных начальниках и других полицейско- административных учреждениях. Редко-редко кому удавалось оттуда выйти на более широкую дорогу. А таких, которые из русско-туземных школ попали бы в средние и высшие школы, было не более пальцев рук. Ваш покорный слуга один из таких редких экземпляров. Гимназии и реальные училища, числом вместе – восемь, для нас были трудно доступны. Это не потому, что мы не хотели, а потому, что правительство не хотело пускать нас в эти учебные заведения. Вот вам одна справка. С конца семидесятых годов кочевое население Туркестана вносило ежегодно несколько тысяч рублей в фонд учебного дела. Позже, будучи гимназистом старших классов, я заинтересовался этим фондом и узнал, что деньги собирались в пользу каких-то стипендий для детей туркестанцев. Уже по окончании гимназии удалось мне выяснить, что деньги частью должны были идти на организацию специального пансиона при Ташкентской гимназии, частью на стипендии при высших учебных заведениях. Сумма была настолько значительная, что в 1905 г., распоряжением и. д. Туркестанского генерал-губернатора г. Мациевского¹¹, сбор денег был прекращен. Пансиона для туркестанских детей при Ташкентской гимназии не было, а на стипендии при высших учебных заведениях учились дети русских священников, дети каких-то дворян с отличиями. Вместо пансиона при Ташкентской гимназии были открыты стипендии при московском Александровском женском институте¹², при Павловском женском институте в Петербурге¹³, при Гатчинском сиротском институте... Когда в 1911 г. случайно нашлись две туркестанки – молодые девушки, так сказать, законнейшие кандидатки на стипендии в женских институтах, то им было отвечено, что никаких преимущественных прав перед русскими они не имеют. При этом начальство институтское не преминуло заметить, что так как казак-киргизы отнесены законоположениями к крестьянскому сословию, то их дети не имеют права на поступление в институты, где обучаются дети благородного сословия.

Еще один пример. В 1913 г. населением Сыр-Дарьинской области было собрано 200 тыс. рублей с целью организации русской же гимназии, в которой не менее половины учащихся было бы из детей коренных туркестанцев. Вести это дело в последней стадии поручено было мне, тогда студенту старшего курса Петербургского университета. Мы наткнулись на препятствия со стороны генерал-губернатора, который “отечески советовал” нам обратить эти деньги на “памятник трехсотлетия дома Романовых”. “Мы согласны на ваше предложение, – ответил я генерал-губернатору Самсонову¹⁴, – и пусть этот памятник будет называться “Туркестанской гимназией имени Романовых для детей туркестанских мусульман”. Ответ ген. Самсонова был очень краток: “Вы меня плохо поняли, молодой человек. Можете уходить...” И мы – просители – ушли. Гимназии нам открыть не разрешили, а деньги наши, вложенные в Государственный банк, были позже переведены распоряжением начальства “на нужды войны”...

Результат “просветительной” политики: за все время существования Ташкентской гимназии, старейшей в Туркестане, там окончило курс 5 туркестанцев, Новомаргеланскую гимназию – 1, Самаркандскую – 2, Верненскую (Алмаатинскую)- 5, Ашхабадскую- 2 и Ташкентское реальное училище - 3.

Вы согласитесь со мной, что результат этот не может свидетельствовать о значительности “культуртрегерской” роли России на Востоке, о чем мы так часто слышим из уст не только русских, но и многих европейцев, продолжающих смотреть на нас еще глазами старого Запада – на “спящий Восток”.

Возможно, что нового в том, что я говорил о переселенческой и школьной политике России в Туркестане, для вас мало, но думается мне, что таких уродливостей вы встречали редко даже в пределах старой России...

О других сторонах политики старого режима говорить здесь не буду. Вот наступает война. Мы, туркестанцы, воинской повинности не отбывали, и поэтому “участие” наше в войне выражалось в бесконечных сборах с нас всякого рода пожертвований на войну. Каждый уезд собирал эти пожертвования. Я видел “добровольные” подписные листы. Там значились сотни голов верблюдов, сотни голов лошадей, тысячами – бараны, ковры, кошмы (войлоки), сотни пудов масла, десятки тысяч деньгами. Это по одному только уезду. Позже мне попался опубликованный в правительственной газете отчет по этим самым пожертвованиям, сообщавший о поступлении от населения такого-то уезда трех тысяч рублей. Лица административные самым циничным образом заявляли о падеже пожертвованного скота, о пропаже его во время прогона на базар, о войлоках и коврах, съеденных молью... А когда один смельчак казак-киргиз вздумал выразить свое возмущение приемами администрации, он был предан суду по обвинению “в тайных посылках средств турецкому правительству”...

Война развязала и без того слишком свободные руки русской администрации в Туркестане. Когда в ноябре 1914 г. жители нашего уезда обратились к Сыр- Дарьинскому военному губернатору с жалобой на притеснения администрации, то губернатор Галкин¹⁵ ответил буквально следующее: “Никаких жалоб от мусульман я принимать не буду. Нам надо сперва выгнать турок из Константинополя, водрузить крест на Святой Софии, изгнать вашего халифа, за которого вы, вероятно, тайно молитесь...” Нетрудно представить, какую реакцию должен был вызвать в наших душах этот ответ высшего представителя русского правительства.

Наступает 1916-й год, год страшных переживаний, год настоящей революции в Туркестане. Летом этого года выходит “высочайшее повеление”, призывавшее туркестанцев на военные работы в тылу и на фронте в возрасте от 19 до 43 лет. Туркестан ответил на это поголовным восстанием. Карательные экспедиции, из которых особенно отличалась одна под общим руководством будущего командующего войсками и затем военного министра Сибирского правительства ген. Иванова (Ринова)¹⁶, уничтожали не только людей без различия пола и возраста, но и целые деревни и города (например, гор. Джизак). Сады, огороды и пшеница на корню уничтожались. Чрезвычайно кровопролитно было восстание в Семиречье. Цельными волостями и даже уездами выселялись казак- киргизы. Вооруженные русские переселенцы, при поддержке правительственных войск, буквально истребляли безоружный народ. Десятки тысяч семейств укочевали в Монголию, в Кашгар, в Афганистан... Я был в роли секретаря думской комиссии, приехавшей летом 1916 г. в Туркестан для ознакомления с событиями. Много страшного, непередаваемо жуткого пришлось видеть нам. Туземцы были обязаны “приветствовать вставанием и поклоном русского чиновника всех ведомств и всех рангов”. Нашим братьям было запрещено садиться на скамьях на главных улицах городов, в городских садах. Физическое истребление и вместе с этим подчеркнутое моральное унижение!

Это было своего рода апофеозом жестокой политики жестокого государства.

Вот эти беглые наброски и объясняют, почему мы, туркестанцы, менее других, быть может, подготовленные к действенному приятию и перевариванию революции, ждали и жаждали эту революцию больше всех.

И она пришла, эта самая революция. Пришла как-то неожиданно скоро, так неожиданно, что многие в Туркестане и не поверили в ее рождение. В Семиречье (нынешний Еди-Су¹⁷) еще лилась кровь. Все местное население Пржевальского уезда только что было выселено в голые горные скалы. Куропаткин¹⁸ продолжал отправлять отряды за отрядами для подавления восстания, и вдруг из Петербурга телеграмма – “царь отрекся, образовано Временное правительство с кн. Львовым во главе”.

В России всюду власть переходила в руки представителей земств. У нас в Туркестане земств не было. Только в двух городах Туркестана – Ташкенте и Алма-Ате¹⁹ – были городские самоуправления с ущемленными правами, с городскими головами по назначению военного министра. И неудивительно, что ген. Куропаткин оставался во главе управления “впредь до особого распоряжения новой власти в Петербурге”²⁰.

Симптом для революции в Туркестане неутешительный. Ауспиция²¹ малообещающая. Первые дни революции я провел в Петербурге, поэтому не могу здесь передать вам картины начальных дней переворота. Я приехал в Туркестан только 10 апреля. К этому времени на местах успели организовать советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с одной стороны, и местные национальные формации – советы, комитеты под самыми причудливыми наименованиями – с другой. То были “раунак-уль-ислам”²², “шуро-и-ислам”²³, “джемияти-ислам”²⁴, “комитеты народных депутатов” и т. д. И все эти формации – все вместе и каждая в отдельности – противостояли против советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Уже в Оренбурге я слышал от туркестанцев жалобы на новый порядок. Мой давний друг, один из очень вдумчивых степняков, человек, немного владевший русским языком, пояснил мне, что революция в Туркестане – “это значит языком болтай, а воли себе не давай”...

В начале апреля в Ташкенте открылся первый краевой съезд общественных организаций. Здесь были представлены и советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и отдельные политические партии, и наши национальные организации. Выбранный от нашего уезда, я, что называется, попал с корабля на бал – прямо с петербургского поезда на заседание съезда в бывший генерал-губернаторский дом. На трибуне стоял очень речистый оратор по фамилии Некора, и первая фраза, мною услышанная, была: “Революцию совершили мы – русские революционеры, русские солдаты и русские рабочие. Поэтому туземцы должны довольствоваться тем, что им мы даем и не предъявлять чрезмерных требований...”

Кто такой этот Некора и какие это “чрезмерные требования” предъявляли туземцы? Некора оказался народным социалистом²⁵, а туземцы требовали, чтобы новая революционная власть в городах была составлена на правильных коалиционных началах из представителей советов и национальных организаций. Дело в том, что фактически вся власть в Туркестане оказалась в руках советов рабочих и солдатских депутатов. Места уездных начальников, участковых и полицейских приставов оказались занятыми избранными советами офицерами. Сами советы держали надо всем настоящую диктатуру. Вся степь была терроризована солдатами. Всюду разъезжали “делегаты мандатных комиссий”, то есть солдаты при полном вооружении, которым советы поручали проверять правильность выборов в местные национальные организации. Не буду рассказывать вам, что вытворяли эти “мандатчики”. Достаточно сказать, что мандат одного из этих революционных солдат, подписанный председателем Перовского совета солдатских и рабочих депутатов Тонконоговым, заключал в

себе фразу о “необходимости оказывать товарищу Жердеву встречи и угощения, подобающие его высокому революционному служебному положению, которое, волею революционного народа, у него значительно выше положения бывших царских приставов и уездных начальников”. Вот когда уместно сказать- “комментарии излишни”! Почему это так случилось, что советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Туркестане оказались вот такими, позвольте выразиться, “пугалами революции”?

Не все здесь присутствующие, вероятно, знают, что туркестанцы и русские, родившиеся там или прибывшие туда до 15-летнего возраста, отбыванию воинской повинности не подлежали, и войска, квартировавшие в Туркестане, состояли исключительно из солдат – уроженцев России. Никакой связи со страной и населением ее у этих солдат не было и быть не могло. В революции, на “положении, высшем, чем бывшие уездные начальники и пристава”, оказались вот эти солдаты, которые, к тому же, с июля 1916 г., под командой Ивановых, занимались истреблением туркестанцев. Революция сказалась на их психологии и на их положении в том, что теперь все они почувствовали себя на положении вот этих Ивановых.

Рабочие в Туркестане сплошь состояли из русских же. Фабрик и крупных заводов у нас не было. Основная масса рабочего пролетариата в Туркестане состояла из железнодорожников. Нас туда, на железные дороги, не пускали. Вы могли проехать по всем туркестанским железным дорогам и не увидеть ни одного рабочего-туркестанца, будь это хотя бы железнодорожный сторож на захолустной станции. Почта, телеграф – тоже привилегия русских...

Крестьяне- вы о них уже знаете по сказанному мною выше о переселенческой политике царского правительства. Они, волею русского правительства ставшие полноправными хозяевами в нашей стране, имевшие право взыскивать за пропавший у них скот с ближайших аулов, эти крестьяне были и не могли не быть, конечно, настроенными враждебно к нашему народу.

О настроении советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов удивительные вещи пишет приезжавший в качестве делегата ЦИК РСФСР в 1919 г. в Туркестан, вместе с Шалвой Элиава²⁶, большевик Георгий Сафаров²⁷. В отдельности о каждом из составных элементов советов Сафаров говорит так: “Русский крестьянин в Туркестане с самого начала февральской революции стал хозяйничать и распоряжаться в кишлаке и ауле, как в своем собственном кармане”²⁸.

О совершенно диком настроении крестьян-переселенцев пишет в удивительно талантливой книге – “Мятеж” большевик-писатель Фурманов²⁹.

“Русский рабочий в Туркестане, – пишет Сафаров, – лишенный политического руководства, сам зараженный колонизаторским настроением, став “творцом революции” в царской колонии, искал себе не равноправных товарищей из туземцев, а послушных полицейских исполнителей и переводчиков...”³⁰.

“Русский солдат, – пишет тот же Сафаров, – меньше всего заботился о гражданском мире в чужой ему стране. Пограбить, набить себе карманы и удрать к себе в “Калуцкую” – вот что было идеалом революции в Туркестане для солдат бывшей царской армии, теперь ставшей армией революции”³¹.

Вот свидетельство буржуазной желтой газеты – “Ташкентский курьер” (номер от 5 сентября), основатель которой ныне находится в Париже в роли советского служащего³²:

“Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Туркестане ныне выполняют роль сарбаза³³ старой русской армии”³⁴.

И это было написано, гг., не в упрек слишком антинационально туркестанской деятельности советов, а в похвалу за это.

Но ведь удивительно то, что совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, руководимый не “мартовскими”³⁵ социалистами, а настоящими социал-демократами меньшевиками старой формации (с д-ром Фитерманом³⁶ во главе), принял отзыв ташкентской желтой газеты без протеста, как должное.

Позвольте мне перейти теперь к выяснению внутренних отношений национальных организаций с организациями совдепов.

Я уже сказал раньше, что, наряду и в противовес советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в Туркестане организовались местные национальные советы и комитеты. Организовались с тем, чтобы быть свидетелями революционного разгула и, позвольте выразиться, своего рода “революционного шовинизма” наших русских товарищей. Не буду говорить о мелких волостных и сельских организациях. Начну с уездных, более крупных. За отсутствием общественных – земских и городских – самоуправлений, вся власть с самого начала перешла в руки совдепов, т. е. в руки русских солдат, русских рабочих и русских крестьян-переселенцев. Всякая попытка коренных туркестанцев войти в состав новой власти, быть в ней представленными надлежащим образом, встречала сильный отпор. В более отдаленных от центра уездах, как Казалинский, Аулие-Атинский и тот же наш, Перовский, совдепы отвечали просто: “Почему это вы- туземцы раньше подчинялись царским приставам и не хотите подчиняться нам- революционным совдепам, органам революционной демократии?”... На протяжении всего Туркестана нигде ни одна уездная организация туркестанцев не могла “заслужить доверия” или даже терпимого отношения к себе органов революционной демократии. Жалобы туземных организаций на действия совдепов сыпались как из рога изобилия. Жаловались областным организациям, Краевому совдепу, Краевому национальному совету, правительственному комитету. Все, как раньше – искали защиты у высшего начальства... И вот однажды Сыр-Дарьинский областной совет, где председателем был старый социал-демократ Наливкин³⁷, а ваш покорный слуга сидел заместителем его, решил попытаться уговорить один из уездных совдепов, образ действий которого выходил из ряда вон. Вызваны были обе стороны – и представитель национального комитета и представитель уездного совдепа. Когда, после объяснения делегата национального комитета, слово было предоставлено делегату совдепа – солдату, то этот последний начал с “отвода против заседающего в областном комитете гр. Чокаева”... На удивленный и возмущенный вопрос Наливкина тот ответил: “Мы, представители русской революционной демократии в Туркестане, не можем и не хотим иметь во главе областного органа туземца”... Областной совет, который вместе с другим областным советом – Ферганским, был, пожалуй, исключением в среде всех органов революционной демократии того периода, революционным шовинизмом не отличался. Отвод делегата совдепа был оставлен без результата, даже без обсуждения, на что последовал такой ответ: “Всякое постановление Областного совета, принятое с участием представителей туземцев, да еще в роли товарища председателя Областного совета, нашим совдепом исполнено не будет”...

Вы представляете себе наше положение!

На вершине пирамиды совдепов стоял Туркестанский краевой совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Там наших представителей не было и быть не могло. Это был исключительно орган русской “революционной демократии”, обладавший

исключительной властью в стране. Туркестанский комитет Временного правительства, неудачный и по составу, оказался всецело, с первых же дней своего появления в Туркестане, в руках руководителей Краевого совета. Попытка председателя правительственного комитета Щепкина³⁸ освободить комитет от совета закончилась неудачно, и ему самому, вместе с тремя другими членами комитета, пришлось спасаться буквально бегством в Петербург. Два члена комитета находились все время в Семиречье, где все еще лилась кровь казак-киргизов. В Ташкенте оставалось два члена. Эти двое были настоящими игрушками в руках Краевого совета, члены которого, как и члены и нашего Краевого национального совета, входили в особое совещание при правительственном комитете...

Доходило до того, что если на совещание не приезжал какой-нибудь член Краса (сокращенное название Краевого совдепа), то за ним посылался казенный автомобиль. И хорошо, если неаккуратного члена Краса легко обнаруживали. Не раз бывало, что из-за отсутствия товарища д-ра Фитермана или Бройдо³⁹, Гроссмана⁴⁰ или Беликова⁴¹, мы, после целого часа напрасных ожиданий, расходились по домам. Такое положение вещей продолжалось с мая до сентября, когда Положение о Туркестанском комитете было изменено и в него вошли новые лица с более решительными характерами. К этому времени революция сворачивала с пути. Уже в начале сентября в Ташкенте началось большевистское выступление. И было ясно с первого же взгляда, что власть Временного правительства, в Туркестане по крайней мере, висела на волоске. Сердитые телеграммы Керенского воздействий никаких не возымели. Гарнизоны в Туркестане все почти оказались на стороне захвата власти в руки солдат и рабочих. Крас, состоявший из меньшевиков и социалистов-революционеров, не имея опоры и в самом революционном пролетариате и совершенно не считаясь и не желая считаться с нами, повис в воздухе. И, сам полновластно державший в своих руках правительственный комитет, Крас теперь, после сентябрьского выступления большевиков, стал искать опоры у этого самого комитета и как-то даже подыгрываться...

Это было печальное зрелище! Начать с “углубления революции” и потом оказаться в самом непроходимом революционном болоте – это ли не жалкая позиция, которую уготовили сами себе представители русской революционной демократии в Туркестане! Где же был Туркестанский национальный совет, спросите вы. Я был председателем этого совета, и поэтому, быть может, мне трудно быть объективным, беспристрастным описателем его роли в те месяцы. Но постараюсь вкратце и объективно, насколько это представится возможным, обрисовать перед вами наш Национальный совет.

С первых же шагов своей деятельности Национальный совет наткнулся на решительный отпор со стороны не только местных совдепов, но и Краевого совдепа. Все органы управления, все виды коммуникации, все жизненные центры страны в руках русских совдепов. В стране показались первые признаки голода. Хлеб нам доставляется из России. Следовательно, каждый наш шаг должен был быть рассчитан так, чтобы не подвергать народ “голодной блокаде”. Наши опасения в этом отношении не были напрасны. При малейшем конфликте с каким-нибудь Казалинским или Перовским уездным совдепом сейчас же задерживались вагоны с хлебом... Более или менее активные деятели местных национальных комитетов задерживались совдепами. Борьба с ними мы не были в силах. Доходило до того, что когда я, председатель Краевого национального совета, приехал, по поручению Продовольственного комитета и Областного совета, в конце мая в Перовск для разбора недоразумений между уездным национальным комитетом и уездным совдепом, то этот последний, собрав митинг, вынес мне... смертный приговор! Мотив приговора был изложен следующим образом: “Перовский уездный совдеп, стоя на страже интересов русской революции на далекой окраине России, не может допустить противодействия своим мероприятиям со стороны туземцев. Гражданин М. Чокаев, как человек из влиятельной фамилии и с высшим образованием, может вызвать возбуждение туземцев против

неограниченной власти революционной демократии. Поэтому, в интересах революции, митинг, созванный Перовским уездным совдепом, постановил единогласно покончить с означенным гражданином Чокаевым раз навсегда. Постановление митинга должно быть приведено в исполнение немедленно же”⁴².

Я остановился у уездного комиссара, очень порядочного человека- прапорщика Преображенского. Вокруг его дома и во дворе появились отряды верных ему солдат для охраны меня. По городу скакали наши казак-киргизы с горящими факелами в руках. Это они собирали народ идти и поджечь казарму, железнодорожную станцию и русские кварталы небольшого города... По счастью, дело окончилось благополучно. Казнить меня не пришлось. Этот эпизод показывает вам взаимоотношения между нашим Краевым национальным советом и органами революционной демократии. Уездные совдепы, подчиненные на бумаге Краевому совдепу, на деле работали самостоятельно, каждый уездный совдеп на свой лад. Не имея реальной власти, наш Краевой национальный совет направлял все усилия на внутреннюю организацию, на выработку единой программы для выборов в Учредительное собрание и в органы местного самоуправления.

Надо сказать, что наш Национальный центр не объединял всего Туркестана. Вне его оставались представители старого социально-консервативного течения. Муллы – наше духовенство, игравшее в те времена огромную роль, не только оставались вне национального центра, но сами организовали свой центр- “Улема Джамиэти” и повели против нас активнейшую кампанию в союзе с правыми русскими элементами, которые наобещали им в будущем все блага шариата. Улема Джамиэти выработал свою конституцию будущего Туркестанского штата, с шариатским духовным управлением в качестве высшей законодательной палаты во главе. Нас открыто предавали анафеме, называя нас “продавшимися русским революционным идеям отщепенцами”. Влияние духовенства было настолько сильно, что на выборах в Ташкентскую городскую думу список Улема Джамиэти получил две трети всех голосов. В Ташкенте, столице Туркестана, мы оказались побитыми. Правда, во всех других местах наш список одерживал победы, но значение ташкентского поражения было все- таки весьма велико.

На чем же выигрывал Улема Джамиэти в борьбе против нашего Национального центра? На безобразной, отвратительной иилшике (если это можно назвать “политикой”) туркестанских совдепов. Перед самыми гнусными деяниями туркестанских совдепов мы не теряли надежды и веры в демократию, если не в ее русском воплощении, то в демократию как идею. Деятельность совдепов мы объясняли как печальные эпизоды, как преходящие эксцессы темной солдатской массы. Мы старались защищать революцию от “революционной демократии” в лице ее туркестанских отпрысков. На всех наших съездах и в наших газетах мы поясняли, что наши национальные интересы тесно связаны с укреплением революции, с торжеством революционно-демократических начал в России. В нашей программе Автономного Туркестана мы писали о великих революционных идеалах освобождения человечества, мы говорили о свободе совести и о всех других видах всех свобод... А народ наш революцию видел и понимал так, как ее преподносили ему туркестанские совдепы. Отделить революцию от туркестанских “революционных” солдат, рабочих и крестьян-переселенцев, отделить революционную идею от “революционной” деятельности туркестанских совдепов наш народ не мог. И обвинять его за это мы не имели права. В этом была наша трагедия и вместе с тем – трагедия и революции. Мы ненавидели старый режим и боялись нашего собственного старого прошлого. Не забывают, гг., что под боком у нас находились вассальные ханства – Бухара и Хива. Ген. Куропаткин, которого многие считают хорошим знатоком Туркестана и которого бывший эмир Бухары Сеид-Мир-Алим-Хан называл самым близким своим другом, говорил, что “Бухару надо беречь, как пугало для туркестанцев”. И действительно, Бухара была настоящим пугалом. Мы опасались усиления ее

влияния на наших клерикалов, которые все чаще и чаще стали сноситься с эмиром... Вести открыто борьбу против наших клерикалов, как делали это они против нас, мы тоже не могли. Они играли на религиозном чувстве народа. Чем больше народ видел притеснения со стороны русских совдепов, чем больше он, обессиленный предшествующими месяцами восстания, чувствовал свою слабость перед новыми властителями, тем глубже он уходил в свою веру, в религию. Улема Джамиэти понимал свое выигрышное положение, и вот в один прекрасный майский день Улема Джамиэти предъявляет правительственному комитету требование о немедленном введении в Туркестане судов по шариату. Правительственный комитет растерялся. Отказать наотрез комитет не решался, а ответить согласием он не мог. Создалось критическое положение. После некоторого размышления мы – Национальный совет – решили переговорить с Улема Джамиэти. Об этом нас просил правительственный комитет.

В результате ряда совещаний нам удалось уговорить Улема Джамиэти взять обратно свое требование. Этот наш успех значительно укрепил авторитет нашего Национального совета, в котором и правительственный комитет и Краевой совдеп начали видеть серьезного партнера. Но недолго продолжалось это. Победа духовенства на городских выборах Ташкента дала и правительственному комитету и Краевому совдепу новый лишний повод для похода, на этот раз настоящего похода, против самой идеи совместного сотрудничества туркестанцев и русских в Туркестане... Еще на первом, апрельском краевом съезде революционных общественных организаций был внесен проект создания двух различных, друг от друга независимых, самостоятельных городских дум в городах Туркестана- одной думы для русских и другой для туркестанцев. Тогда, в первые недели революции, проект этот не прошел. Он был снят с обсуждения. Теперь его подняли совместно Краевой совдеп и правительственный комитет. За проектом отдельных городских дум последовал проект отдельных – по национальному признаку – выборов в Учредительное собрание от коренных туркестанцев и от русских. Автором этого последнего проекта был старый социалист-революционер Сосновский⁴³. Дело в том, что по своей численности русское население Туркестана в каждом избирательном округе (что соответствовало области) не могло провести ни одного депутата. Только одна Семиреченская область могла провести по самостоятельному русскому списку одного кандидата. Мы – наш Национальный совет – были решительно против национальных курий. Это не потому, что мы жаждали властвовать над русскими, а потому, что считали такое положение противным демократическим началам. В наших списках мы давали место по одному русскому кандидату. В этих проектах о отдельных городских думах и отдельных представительствах в Учредительное собрание сквозило явно высокомерное отношение кучки русских революционеров и демократов к нашей народной массе. Русские революционеры не хотели, по их собственным словам, “подвергать русское население Туркестана унижительному для него положению подчиненного туземцам”. Так говорили председатель Краевого совдепа, немолодой уже социал-демократ д-р Фитерман и старый социалист-революционер Сосновский. Замечательно, в этих двух вопросах органы революционной демократии имели поддержку всех и революционных и контрреволюционных слоев русского населения. Только Ферганский областной совет, каким-то чудом оказавшийся под руководством настоящих искренних революционеров, открыто выступал против этих “неслыханных и недопустимых искажений революционного идеала свободы и братства народов”. Как раз к этому времени и относится приведенная мною выше выписка из ташкентской желтой газеты о том, что “советы в Туркестане играют роль прежних царских сарбазов”⁴⁴.

Вокруг этих двух проектов началась борьба между ними и совдепами. Положение наше ухудшалось тем, что поддерживал проекты сам правительственный комитет в лице оставшихся в Ташкенте двух своих членов – Липовского⁴⁵ и Елпатьевского⁴⁶. В нашей среде был поднят вопрос: в случае утверждения этих проектов, бойкотировать выборы в Учредительное собрание. Были и такие, которые стояли за то, чтобы выборы во Всероссийское Учредительное

собрание шли под флагом Туркестанского Учредительного собрания, то есть избранные в Учредительное собрание должны были оставаться в Туркестане и, совместно с представителями городских самоуправлений и, если к тому времени успеют произвести выборы в земство, то с земцами, – открыть самостоятельное Туркестанское Учредительное собрание... Я лично, как председатель Краевого национального совета, стоял на средней позиции: на выборы во Всероссийское Учредительное собрание идти, но поехать в Петербург лишь при условии отклонения правительством проектов гг. революционных ташкентцев. Но случай вывел нас из состояния этой борьбы. По настоянию Керенского, я был назначен членом правительственного комитета, и я принять назначение согласился, если только ташкентские проекты о отдельных городских думах и отдельных представительствах в Учредительное собрание будут брошены. Так и было сделано. С шовинистическими проектами было покончено. Некоторым из нашей среды казалось, что теперь начнется новая эра. Но события опровергли эти ожидания. С горечью пришлось мне убедиться, что в комитете Временного правительства людей, смотрящих на Туркестан и на туркестанцев по-новому, по-революционному, оказалось немного. Только один человек, помощник генерального комиссара по гражданской части, граф Доррер⁴⁷, давнишний туркестанец, несмотря на свой кадетизм, открыто выступал в защиту автономных прав Туркестана и вместе со мной стоял за проведение в жизнь теперь же некоторых начал этой автономии... В правительственном комитете дело доходило до того, что меня одного, а иногда с Доррером вместе, отправляли в командировку в Фергану или другую какую область и в наше отсутствие решали, конечно, в отрицательном смысле, проекты, мною вносившиеся. Так, например, провален был проект о привлечении коренных туркестанцев к отбыванию воинской повинности. Было отклонено мое же предложение, а главное в моем отсутствии, о переброске в Туркестан солдат-татар и замене ими постоянно бунтующего 2-го Сибирского стрелкового полка. Правительственный комитет в своем большинстве предпочел иметь в Туркестане бунтующий против правительства, но зато из русских состоящий полк, чем верных правительству, но могущих лояльно относиться к коренным туркестанцам солдат-татар...

Я подал было просьбу об отставке, когда, из-за начавшегося восстания гарнизона и рабочих, 24 октября, пришлось взять просьбу обратно, чтобы не давать повода к обвинению меня в самоспасении...

Так пришлось мне оставаться в составе правительственного комитета, где на нас смотрели недоверчивыми глазами. Пришлось оставаться в нем потому, что надвигалась на нас опасность более серьезная...

В те страшные октябрьские дни, когда на улицах Ташкента, одновременно с Петербургом, шли кровавые столкновения, когда одна часть русских вооруженных сил билась против другой части, население туркестанское оставалось нейтральным зрителем. Попытка привлечь туркестанцев в ряды защитников Временного правительства не увенчалась успехом. Видно было, что Временное правительство и с ним вместе и сама Февральская революция уже не имели сторонников в среде коренных туркестанцев...

Заключение

Если помните, я начал с того, что “в России начала 1917 года не было [...] такого уголка, где ждали и жаждали революции [так], как наш Туркестан”. И эту самую революцию тот же Туркестан теперь, по истечении каких-нибудь восьми месяцев, проводил безучастно. Да, радостно встретили Революцию в Туркестане, но расстались с ней без печали...

Я далеко не принадлежу к числу хулителей Февральской революции. Наоборот. Был ее энтузиастом и остаюсь ее защитником против старой, для нас всех одинаково неприемлемой Российской монархии.

Если бы туркестанцы сами были хорошо подготовлены к восприятию революции, к ее практическому использованию, Туркестан легче, чем какая бы то ни было другая часть старой России, мог бы осуществить многое из своих национальных требований. Но, к нашему величайшему несчастью, мы оказались неподготовленными технически. На этой нашей неподготовленности к “техническому освоению революции” спекулировали не только старые волки старого режима, как бывший ташкентский городской голова по назначению Маллицкий⁴⁸ – автор проекта о отдельных городских думах, но и революционеры вроде социал-демократов д-ра Фитермана, инженер-техника Беликова и др... Если Маллицкий говорил, что “пусть сами туземцы проводят своими силами трамваи, электричество, пусть сами они создают свое “образцовое городское хозяйство””, то русские рабочие и специалисты-революционеры ему вторили и говорили: “Пусть сами туркестанцы руководят железными дорогами, телеграфом, почтой...” Сейчас эти угрозы не пугают туркестанцев. Но тогда, в 1917 г., мы не могли не считаться с ними. Мы вели борьбу против таких форм узурпации и шовинизма, но борьба наша оставалась борьбой словесной, борьбой, опиравшейся на общие демократические и революционные начала.

У нас не было внутреннего единства в понимании задач и требований эпохи. Социально-консервативные элементы, не будучи, разумеется, врагами своего народа, видели его счастье в полном и безоговорочном подчинении законам шариата во всем, во всех проявлениях жизни. За предоставление суда по шариату наше духовенство было готово принять какой угодно режим над Туркестаном. Небольшое количество прошедших через русские и мусульманские же новые школы лиц было другого настроения. Мы были, если хотите, материалистами, так сказать, “вольтерьянцами”. Мы выдвигали на первый план моменты политических свобод и социальной правды. Относясь с величайшим уважением к верованию народа, мы не видели в шариате средства национального освобождения. Нам казалось, что приличная автономия в пределах Российской демократической республики, дающая возможность развитию здоровых национальных начал, куда лучше широчайших свобод на основе шариата...

Не было межнационального единства фронта у подвластных России народов. Самостийников в то время было не так много. Каждая окраина действовала отдельно, варилась сама в своем собственном соку. Не было взаимной поддержки... Я помню такой случай. В Ташкенте было получено известие о выпуске универсала Украинской рады⁴⁹. Мы в своих выступлениях на собраниях поясняли, что такое универсал. И что же, к утру другого дня в старом⁵⁰ Ташкенте все вывески на лавках и на улицах на русском языке оказались вымазанными черными красками. Таково было впечатление у нас от украинского национального движения. Если бы мы в то время пришли в сознание, если бы вместо “веры в правду русской демократии”, нашим сознанием владело крепкое стремление к осуществлению и практическому освоению революции в пределах наших национальных территорий, если бы мы, представители нынешнего прометеевского фронта, были объединены в те исторические месяцы и последовали примеру Украины, быть может и даже наверное, народы наши имели бы другую, лучшую судьбу, чем нынешняя подсоветская жизнь национальной каторги и выжимания соков и в материальном и в национально-культурном смысле этого слова.

Примечания

1. Минцлов Сергей Рудольфович (1870 – 1933) – библиограф, писатель, библиофил. В августе 1917 г. уехал из России. Речь идет о его книге “Секретное поручение”, изданной

в 1928 г. в Латвии. Этот объемистый труд с многочисленными фотографиями и схемами посвящен его путешествию в Урянхай.

2. Здесь и далее отточие документа.
3. Нератов Анатолий Анатольевич (1863 – 1928) - гофмейстер, член Государственного совета, товарищ министра иностранных дел в 1910 – 1917 гг. (до 25 октября).
4. Туркестанский комитет был создан в апреле 1917 года.
5. То есть при Туркестанском комитете.
6. Пален Константин Константинович – граф, гофмейстер, сенатор.
7. Чокаев ошибается. “Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане” был издан в Петербурге в 1910 году.
8. То есть казаха. Это один из их дореволюционных этнонимов.
9. Масальский Владислав Иванович (1859-?) – князь, писатель, географ.
10. Речь идет о труде: Масальский В. И. Туркестанский край (в серии “Полное географическое описание нашего отечества” под ред. В. П. Семенова-Тян- Шанского. Т. 19). СПб. 1913.
11. Мапиевский Евгений Осипович (1845?)- генерал-лейтенант.
12. Точное название: Александровский институт. Высшее женское учебное заведение.
13. Точное название: Павловский институт.
14. Самсонов Александр Васильевич (1859 – 1914) – генерал от кавалерии, генерал-губернатор Туркестана, командующий войсками Туркестанского военного округа и войсковой атаман Семиреченского казачьего войска (1909 – 1914 гг.); покончил с собой после разгрома его армии в Восточной Пруссии в августе 1914 года.
15. Галкин Александр Семенович (1855-?)- генерал-лейтенант, в то время военный губернатор Сыр-Дарьинской области.
16. Иванов Павел Павлович – в то время помощник военного губернатора в Туркестане. После Октябрьской революции военный министр Временного Сибирского правительства, генерал-майор, командующий Сибирской армией (сентябрь- декабрь 1918 г.).
17. Тюркский топоним.
18. Куропаткин Алексей Николаевич (1845 – 1925)- генерал от инфантерии, генерал-адъютант; туркестанский генерал-губернатор (с июля 1916 по март 1917 г.).
19. В 1917 г. город назывался Верный.
20. Куропаткин был отстранен от должности и арестован 31 марта 1917 г. по решению местных советов.
21. Ауспиция – предзнаменование (лат.).
22. Великолепие ислама.
23. Мусульманский совет.
24. Мусульманское общество.
25. В октябре 1917 г. кокандец учитель Некора, являясь уже эсером, стал членом Кокандской городской управы (Туркестанские ведомости, 18.X.1917). Скорее всего, речь идет об известном впоследствии украинском литераторе-востоковеде, арабисте Л. С. Некоре.

26. Элиава Шалва Зурабович (1883 – 1937) - большевик, член РВС Туркестанского фронта, председатель Туркестанской комиссии (1919 – 1920 гг.).
27. Сафаров (наст. фам. Вольдин) Георгий Иванович (1891 – 1942) - большевик; после Октябрьской революции на партийной и советской работе.
28. Здесь не совсем точно цитируется следующая фраза из книги Сафарова “Колониальная революция (Опыт Туркестана)” (М. 1921, с. 61 – 62): “О русском переселенце не приходится даже и говорить: начиная с февральской революции он стал хозяйничать в кишлаках и аулах, как в совсем собственном кармане”.
29. В книге Д. А. Фурманова “Мятеж” (1925 г.) описано подавление антисоветского выступления в Семиречье.
30. Здесь пересказан следующий фрагмент из книги Сафарова “Колониальная революция (Опыт Туркестана)” (М. 1921, с. 62): “Русский рабочий класс Туркестана, сам занимавший привилегированное положение в производстве, без вождей, без программы, без партии, без революционной традиции, не мог противостоять этому напору”.
31. Пересказывается следующее место из книги Сафарова (с. 61): “Для солдатских... масс здесь не было... смысла в сохранении... гражданского мира... Солдат... здесь мог захватить больше жизненных благ у местного населения, чем могла ему обещать колониальная администрация”.
32. Вероятно, речь идет о И. И. Дукельском, который был издателем газеты.
33. Солдата.
34. Свободное изложение следующего фрагмента из статьи “Государственное значение органов революционной демократии в Туркестане”: “На советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов выпадает та роль, которая при прежнем режиме лежала на царских пушках. Формально революционный солдат, рабочий и крестьянин заменяет прежнего русского “сарбаза””.
35. В первые дни марта 1917 г. и в течение всего месяца численность организаций социалистических партий в Петрограде росла очень быстро. В партийном обиходе возник специальный термин “мартовские” эсеры, эсдеки и т. п.
36. Фитерман Моисей Яковлевич – военный врач, меньшевик, председатель Туркестанского краевого совета рабочих и солдатских депутатов.
37. Наливкин Владимир Петрович (1852 – 1918)- исследователь истории, жизни и быта народов Туркестана, депутат II Государственной думы, меньшевик. 26 июля 1917 г. назначен председателем Туркестанского комитета.
38. Щепкин Николай Николаевич (1854 – 1919)- член ЦК кадетской партии, депутат III-IV Государственных дум.
39. Бройдо (Зильберквейт) Григорий Исаакович (1883 – 1956) - помощник присяжного поверенного, меньшевик, возглавлял Ташкентский совет солдатских и рабочих депутатов (март-июнь 1917 г.), затем уехал. Большевик с 1918 года.
40. Гроссман – в то время секретарь Туркестанского краевого совета рабочих и солдатских депутатов.
41. Беликов Н. Ф. – в то время член Ташкентского совета солдатских и рабочих депутатов.
42. Первый подписавший это постановление и председательствовавший на митинге ж[елезно]д[орожный] рабочий Агапов был впоследствии первым народным комиссаром внутренних дел в Туркестанском советском правительстве (Прим. М. Чокаева). Агапов Василий Ефимович (1884-?) - крестьянин, житель г. Перовска, меньшевик, комиссар

гражданской и административной части Туркестанского Совнаркома, избранного на 3-м Краевом съезде Советов (15 ноября 1917 г.); участник антибольшевистского восстания в Туркестане (1918 г.).

43. Сосновский Михаил Иванович – один из лидеров ташкентских эсеров, председатель Ташкентской городской думы (1917 г.).
44. “Выписка” не вполне точна. См. прим. N 34.
45. Липовский Александр Лаврентьевич – учитель гимназии, житель Петрограда.
46. Елпатьевский Владимир Сергеевич – преподаватель Московского университета, присяжный поверенный, народный социалист. 31 августа 1917 г. назначен помощником генерального комиссара Временного правительства по управлению Туркестанским краем по гражданской части.
47. Доррер Георгий Иосифович (?-1917)- граф, с апреля 1917 г. комиссар Туркестанского комитета по Закаспийской области.
48. Маллицкий Николай Гурьевич (1873 – 1947)- Ташкентский городской голова (1908- март 1917 г.), тюрколог, кадет. После Февральской революции заместитель городского головы, член Российской радикально-демократической партии.
49. Речь идет о 1-м универсале Центральной рады от 10 июня 1917 г., который провозглашал автономию Украины.
50. Речь идет о мусульманской части города.